

**TRANSFORMATIONS OF SOCIETY, BODILY
IMPERFECTION, AND SPIRITUAL BEAUTY**

Quaestio Rossica (2019, No. 1) opens with an article by prominent professors of history from Ural Federal University (*Vladimir Zapary, Vladimir Kamynin, and Boris Lichman*), who offer an overview of a new concept for teaching history to non-humanities students that emerged in Russia during perestroika. The authors believe the introduction of multi-concept learning techniques which successfully substituted the monopoly of the Marxist approach has contributed to an atmosphere of competitive thinking among students in technical departments (*Scientia et vitae* section).

While formulating the central problem of this issue (*Problema voluminis* section), we devised the theme “The Age of Great Reforms: The Success of Innovation and the Collapse of Illusions”. Here, we chronologically extend the limits of the “century of the great reforms” by including in our discussion many reform ideas and practices from the late 1820s to the early twentieth century. This chronological extension was encouraged by understanding the reform process in Russia as an extended one, taking up if not all of modernity, then at least its ‘imperial’ segment (spanning from the 18th century well into the 1920s). In the early 20th century, the very idea of the reforms received a modernist meaning as transformations possessing a preliminary design, theoretical basis, certain policies, and an apparent progress-oriented vector [Феномен реформ].

Russia is often characterised as a country of “unfinished”, “never-ending”, or “failed” reforms in the anecdotes of popular writers and in the experience of the reforms of the last few decades. This obliges historians to pursue a “binocular” perception of the 19th-century reforms. They have to be seen both in a relatively broad historical perspective and in close focus through specific historical studies that look at various qualitatively important phases and aspects. Following this logic, the section opens with an article by *Tatiana Andreeva* (Institute of History, RAN, St Petersburg), who discusses the preparatory stages of 19th-century peasant reform in Russia, namely, the emancipation of *kazna* (state-owned) peasants in secret committees between the second half of the 1820s and the late 1830s. In assessing the activities of these committees as an integral part of the modernisation of the social system and public administration, the author notes the

unity of the strategic goals and tactical methods in reform projects aimed at creating rational and profitable land administration systems, land use, taxation, and administrative management.

The 1860s in Russia are famous for large-scale transformations (the Great Reforms) that sought to fundamentally change the country, mostly by solving the “peasant question” associated with the abolition of serfdom. This scale, however, encouraged government institutions and social forces alike to seek answers to the other global challenges facing Russia, which was at the time involved in global developmental processes: the Industrial Revolution, structural societal change, the increasing complexity of the geopolitical situation, and new views on ethical values, civil rights, political freedoms, national identities, cultural landmarks, etc.

From the second half of the 19th century onwards, the Russian Empire, previously a predominantly agrarian nation, was beginning to move towards industrialisation by overcoming the crisis in older types of manufacturing and forming modern industrial sectors. Several aspects of these processes were manifested in the provisional design of mining reform in Russia. These are reflected in an article by *Evgeny Neklyudov* (Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of RAS, Yekaterinburg). The choice of legal and institutional innovations in the mining industry, according to the author’s conclusions, depended on way in which the reformers viewed domestic industrial development: under state control or without it. This determined the extent to which European experience was used in preparing major mining reforms.

One of the motivations for the reforms was a change in Russia’s international standing: this demanded the creation of a more progressive social structure that would have further developed the country towards parity with the leading European powers of the time. Growing awareness of being “Europeans”, not only within the elites of the Russian Empire but also broader society, was a hallmark of 19th-century Russia. This became possible not least because of fundamental changes in attitudes towards education and enlightenment. Virtually all external observers since the end of the 15th century blamed Russia for lacking a European educational system. This allowed European observers to mark the Russian state as “barbaric” and non-European. By the beginning of the 19th century, a strong opinion had formed in Russia that schooling was one of the most important tools for channeling *the national idea*, as *Yulia But* argues (Ural Federal University, Yekaterinburg). The author believes that the translation of foreign educational experience and the development of an optimal model of education that was simultaneously European and adapted for Russian reality was a subject of deep contemplation by the national elites for a century.

The main characteristic of the 19th-century Russian reforms that distinguished them from those which preceded and followed was the

wide public discussion around them. The reforms entered into a space for public communication, which reflected not only the successes of 18th-century westernisation (in particular, the establishment of the periodical press and the appearance of a target discursive audience), but also changes in the relationship between the authorities and citizens. According to *Oksana Zavyalova* (Southern Federal University, Rostov-on-Don), in the second half of the 19th century there were unique conditions for creating better connections between the general population and the state authorities. As she explains, the system of subject-to-subject relationships in which parties listened to and heard each other “had ripened”. Numerous “appeals to authorities” in letters and notes on current issues were made not only by the usual narrow circle of public figures or officials, but also by a wider population: these appeals thus became an important channel for dialogue. As this research has shown, the appeals did not remain unanswered.

The undoubted successes of the reforms often coexisted with disappointments and failures caused by the mistakes of the reformers and other factors. For Russia, one of the reasons for unsuccessful reforms may have been an extremely complex ethnic and confessional structure, which included many territories with diverse traditions of social life and administration. For a long time, Russia had managed, with varying rates of success, a system of multi-ethnic and multi-cultural territories around its ethno-political core: it was little concerned with the unification of its managerial and social institutions. According to N. S. Kollmann, Moscow’s rulers pursued a policy of “calculated decentralisation” in which the state was granted only the most important functions: the supreme court, taxation, the military and diplomacy. At the same time, it shared “power with a strikingly wide range of institutions and traditional social practices” [Коллманн, с. 42]. As early as the second half of the 18th century, Russian elites recognised the unquestionable difficulty of applying common standards throughout the empire. In a letter to Voltaire, Empress Catherine II (written in Kazan in May 1767) stated: “Here, the population consists of twenty different nationalities, completely dissimilar to each other. Meanwhile, it is necessary to sew a dress that would be acceptable to all. General principles might still be found; but the particularities? And what particularities! <...> The whole new world has to be created, united, and safeguarded” [Императрица Екатерина II, с. 748–749]. In the 19th century, the imperial authorities seriously began to “sew” the “dress that would be acceptable to all” in an attempt to place the manners and customs of all the internal and external borderlands under a single standard, a task that turned out to be infeasible.

Judicial reform aimed at regulating and systematising the functions of magistrates in the vast expanses of Siberia can be seen as a notable example of such difficulties. *Evgeny Krestyannikov* (Tyumen State University),

basing his research on archival documents, shows the ineffectiveness of this reform due to irrational land division, the attachment to specific subjects of judicial activities, and the idea of combining both investigative and judicial functions in one agent.

Difficulties in reforming the political system manifested themselves especially clearly in distant imperial provinces inhabited by ethnicities other than Russians. *Roman Pochekaev* (NRU Higher School of Economics, St Petersburg Branch) and *Sergey Lyubichankovsky* (Orenburg State Pedagogical University) offer detailed historical studies of these processes. The former describes the work of K. P. von Kaufmann, Governor-General of Russian Turkestan, that sought to adapt rules of municipal self-governance to the newly-established Tashkent Municipal Duma in the 1870s. The latter discusses attempts to introduce local land administrations into the southeastern provinces (Astrakhan, Orenburg, and Stavropol, all areas with high proportions of non-Russians among the population) in the last years of the empire. Both articles seem to confirm the disparity between calendar and historical time and the need to further examine the reforms beyond their ‘chronological core’, which is often interpreted by historians without taking into account the many peculiarities of ‘peripheral modernisation’.

The second major theme of this issue is the paradoxical combination of bodily deviancy and spiritual beauty in Russian culture. This phenomenon goes back to the rethinking of muteness and speech dysfunctions in traditional society that led to a shift towards more humane treatment: this was interestingly manifested in Russian fairytales which granted magical abilities to disabled heroes. In *Varvara Dobrovol'skaya's* article (State Republican Center of Russian Folklore, Moscow), overcoming muteness is conceived as a return of justice and harmony to the hero's world. *Mikhail Stroganov* (Institute of World Literature RAS, Moscow) discusses the famous 1886 novel *The Blind Musician* by V. Korolenko, which is highly relevant to this theme. The author reveals the literary and historical context, correlates this novel with other works in terms of motifs and tropes, and reflects on the social mercy which was becoming clearly visible in public discourse.

An original take on the theme of corporal deviation and spiritual beauty was proposed at the colloquium “Deviant bodies in Russian culture” (*Les corps déviants dans la culture Russe*) (University of Geneva, 23–24 February 2018). In the union which traditionally blends mind and soul, the body often plays the role of a ‘poor parent’: in the face of eternity, the body is seemingly nothing more than mortal flesh, while in the history of thought, interest in the body has often seemed vulgar. However, it is precisely the body that acts as a witness and measure of individual and social events, political struggle, scientific progress, and cultural, aesthetic, and ethical transformations. The objective of the colloquium was to analyze the artistic representations and discourses (literary, cinematic, philosophical, scientific, intellectual, and social) which formed an understanding of and assigned a value

to the human body, thus changing the focus and nature of its perception and depiction in Russian culture. The conference emphasised 'pathologies' rather than the 'norm', i.e. all that seemed and seems like physical anomaly against the 'norms' of nature and culture, be it the anatomical 'monsters' of St Peterburg's *Kunstkamera*, fairground 'freaks', cripples and invalids, literary, artistic, and sculptural depictions of anthropomorphic creatures, anatomical abnormalities, and the 'bodily deviations' of contemporary culture.

What circumstances and contexts, from the historian's point of view, change our ideas about the human body? What do they depend on and what defines the standards, rules, and exceptions when one looks at human physical nature? What is the role of corporal anomalies in Russian history and culture? These were the questions discussed by the participants of the colloquium. The organisers selected a number of articles for publication in *Quaestio Rossica*, four of which are printed in this issue and two in the next one¹.

The focus of *Leonid Heller's* (University of Lausanne, Switzerland) work is Andrei Platonov's novels. Analysing "prosthetical expressionism" in Russian literary and cultural manifestations of the body and corporeality, Heller conclusively shows why the question of 'improving' human nature, widely discussed throughout the 20th century, should be considered in connection with themes of disability and monstrosity. Deconstructing the manifestos and literary texts of the Anarchobiocosmicists, who sought biological immortality, *Olga Burenina-Petrova* (University of Zurich, Switzerland) indicates the importance of the bodily paradigm for Alexandr Svyatogor, Aleksandr Yaroslavskiy, Pavel Ivanitskiy, and others. The Biocosmicists perceived bodily deviations ('bestialism', anabiosis, and other new bodily norms) as a "modus of immortality." *Iulia Podoroga* (University of Strasbourg, France) offers a philosophical discourse on the concept of "revolutionary corporeality" in the works of Andrei Platonov and Pavel Filonov. According to the researcher, both "insufficient" and "excessive" physicality led, in the oeuvre of these authors, to bodily victory over the soul and to the formation of a new unity of body and spirit. Finally, *Petr Kazarnovsky* (University of Geneva, Switzerland) analyses anomalies of corporeality in P. Zaltsman's novel *Puppies*, whose characters seem to be able to overcome the barriers between life and death, and those between bestiality and humanity.

The *Conceptus et conceptio* section raises the question of national identity. Based on a dialogue of the two prominent Slavophiles I. Kireevsky and A. Khomyakov (19th c.), *Natalya Volodina* (Cherepovets State University) shows the austere disengagement between the rational European understanding of the Enlightenment and its interpretation in the Russian cultural-historical space. The work reveals the origins of the Slavophiles'

---

¹ The Editorial Board would like to thank organisers of the conference, Professor Konstantin Bogdanov, National Research University "Higher School of Economics" and PhD Annick Morard, University of Geneva, for constructive help in the formation of this section.

contradictions and their commitment to European humanism. *Vadim Dementyev's* article (Saratov State University) is an elegant continuation of the theme, excavating the proverbial “heart-to-heart talk” in the history of Russian speech and looking at how it is exclusive to Russian national discourse. The article offers the persuasive hypothesis, backed up by numerous examples, that the need for “intimate talk” might be associated with an axiology of the national mindset. In all likelihood, the need to “talk heart-to-heart” can be explained as some sort of compensatory mechanism in the absence of the democratic institution of free speech and as the desire to have a trustworthy interlocutor, which is inconceivable in official communications. The theme opened up by the author clearly calls for further investigation.

An interesting return to the question of Russo-Ukrainian relations discussed in previous issues of our journal [Quaestio Rossica. Vol. 5. 2017. No. 1; Vol. 6. 2018. No. 2] is provided by *Andrey Bogdanov* (Institute of Russian History, Moscow), who offers new data on the creation of Arseny Sukhanov's *The Debate on Faith with the Greeks*, a 17th-century text. The article examines the historical roots of the dispute about the preservation of the integrity of Orthodoxy in western and eastern Russian traditions and has undoubted relevance with regard to the contemporary situation with Orthodoxy and church unity. The article clearly demonstrates that the problem of ritual discrepancies arising from real historical circumstances originated before the advent of the Old Believer movement. *Natalia Fateeva* and *Zoya Petrova* (Institute of Russian Language, Moscow) consider important features of the imagery system in Russian poetic speech. The authors look at major concepts in literature-centered Russian culture: the Word and Poetry. Revealing their essence through metaphors of metal and stone, these notions are capable of making interesting discoveries not only in poetic speech but also in society's self-awareness (*Disputatio* section).

Evgeny Anisimov's publication (NRU Higher School of Economics, St Petersburg) presents new documents on a political investigation started by a report from V.N. Tatishchev in 1738: this rapidly turned into a “trigger” for the trial against the reporter himself. The sources published within the article reveal facets of the character and lifestyle of a vigorous statesman and one of the founders of the industrial town of Yekaterinburg. They also present a remarkable picture of the manners of the time, soaked with trepidation in the face of political prosecution in 18th-century Russia. The published texts return the reader to the problem of moral choice, the normal, and the deviant, as well as the historical conditionality of the notion of ‘norm’ itself (*Origines* section).

The issue ends with reviews. *Mikhail Akishin* (Novosibirsk University) evaluates V.V. Trepavlov and A.V. Belyakov's monograph *Sibirskiye tsarevichi v istorii Rossii* (*Siberian Princes in the History of Russia*). The reviewer argues that the presentation of complex and sensitive material is done

with academic thoroughness, thus proving the work's academic relevance and modern approach. Meanwhile, *The Frigate Pallada* by I. Goncharov, a 19th-century travelogue undeservedly forgotten by Russian philological scholarship, has been the subject of analysis in a book by American researcher Edyta M. Bojanowska (Yale). The undoubted merits and a few interpretative inaccuracies of her work are considered in the review by *James White* (Ural Federal University). In the opinion of the reviewer, the monograph should encourage the emergence of a new and improved translation of Goncharov's text into English.

Annick Morard

(University of Geneva, Switzerland);

Larisa Soboleva, Dmitry Redin

(Ural Federal University,

Yekaterinburg, Russia)

Translated by Anna Dergacheva

Номер открывается статьей опытных преподавателей исторических дисциплин для студентов технических специальностей Уральского федерального университета, профессоров *Владимира Запария, Владимира Камынина, Бориса Личмана* о формировании новой концепции в преподавании истории студентам негуманитарных специальностей, возникшей в процессе перестройки. Авторы считают, что введение в процесс обучения многоконцептуальной методики, успешно вытеснившей монополию на марксистский подход, способствовало формированию атмосферы разномыслия в среде технических специалистов (рубрика *Scientia et vitae*).

Формулируя проблему номера (рубрика *Problema voluminis*), мы назвали ее «Век великих реформ: успех созидания и крах иллюзий», позволив при этом хронологически расширить представление о «веке великих реформ», включив реформационные замыслы и практики всего «долгого XIX века», начиная с конца 20-х гг. XIX в. до начала XX столетия. К этому побуждает представление о реформаторском процессе России в масштабах если и не всего Нового времени, то его «имперского» отрезка XVIII – 10-х гг. XX в., когда само понимание реформ получило современный смысл, означающий преобразования, имеющие предварительное осмысление, теоретическую основу, программные установки и очевидную прогрессистскую направленность [Феномен реформ].

Определение России как страны «незавершенных реформ», «вечных реформ», «неудачных реформ», приобретающее под пером околонучных публицистов и в массовом сознании зачастую анекдотические формы, а также реформы, переживаемые современными поколениями последних десятилетий, обязывают к определенной «бинокулярности» восприятия реформ XIX в. и в панорамном плане, в относительно широкой исторической перспективе, и в крупном плане конкретно-исторических исследований отдельных, но качественно важных их этапов и аспектов. Согласно этой логике, рубрику открывает статья *Татьяны Андреевой* (Институт истории РАН, Санкт-Петербург), посвященная подготовительным этапам подготовки крестьянской реформы – вопросу эмансипации казенных (государственных) крестьян в секретных комитетах второй половины 20-х – второй половины 30-х гг. XIX в. Оценивая деятельность этих комитетов как составную часть модернизации социального строя и государственного управления, автор отмечает единство стратегической цели и тактических установок авторов проектов, направленных на формирование рационализированных и доходных систем землеустройства, землепользования, налогообложения и административного управления.

60-е гг. XIX в. в России знаменательны масштабными преобразованиями (Великими реформами), имевшими целью коренное изменение жизни страны, решение «крестьянского вопроса», связанного с отменой крепостного права. Но это побуждало власть и общественные силы искать ответы и на другие глобальные вызовы, стоявшие перед Россией, вовлеченной в мировые процессы развития, – это промышленная революция, изменения социальной организации общества, усложнение геополитической ситуации, новые представления об этических ценностях, гражданских правах и политических свободах, проблемы национальных идентичностей, новых культурных ориентиров и т. д.

Со второй половины века Российская империя, по преимуществу остававшаяся аграрной державой, начала демонстрировать движение в сторону индустриализации, к преодолению кризиса старого мануфактурного производства, формированию промышленного сектора. Об особенностях этих процессов, проявившихся, в частности, в разработке положений горной реформы, размышляет *Евгений Неклюдов* (Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург). Выбор правовых и институциональных новаций в горнозаводской отрасли, по его выводам, зависел от представлений реформаторов о путях развития отечественной промышленности под контролем государства или без него; этим определялась и степень использования европейского опыта при подготовке горной реформы.

Одним из побудительных мотивов реформ было изменение международного положения России, требовавшее создания прогрессивной социальной структуры, которая обеспечила бы развитие страны в кругу ведущих европейских держав. Осознание своей «европейскости» не только элитами империи, но и значительно более широкими общественными слоями – примета XIX в. Это стало возможным и благодаря кардинальным изменениям отношения к воспитанию через образование и просвещение общества. Отсутствие европейской образовательной системы ставилось в вину России практически всеми внешними наблюдателями с конца XV в. Это то обстоятельство, которое позволяло маркировать Российское государство как «варварское», неевропейское. К началу XIX в. в стране сформировалось устойчивое убеждение в том, что школа является одним из важнейших инструментов и проводников национальной идеи, о чем пишет *Юлия Бут* (Уральский федеральный университет, Екатеринбург). Как полагает автор, трансляция зарубежного образовательного опыта и выработка оптимальной модели образования, одновременно европейской и максимально целесообразной для России, были глубоко отрефлексированы национальной элитой на протяжении столетия.

Особенностью преобразований в России XIX в., отличавшей их от предшествовавших и последующих, было их широкое общественное обсуждение. Проблема реформ вышла в сферу публичного коммуникационного пространства, что свидетельствовало не только об успехах вестернизации страны в XVIII столетии (в частности, о появлении периодической печати и целевой дискурсивной аудитории), но и об изменениях в отношении власти к подданным. По мнению *Оксаны Завьяловой* (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону), во второй половине века сложились уникальные условия налаживания обратной связи между населением и властью, вызрела система субъект-субъектных отношений, когда стороны небезуспешно учились слушать и слышать друг друга. Важным каналом этого диалога стали многочисленные «обращения во власть» в письмах и записках по актуальным вопросам современности не только узкого круга общественных деятелей или сановников, но и широкого круга населения. И, как показывает исследование, эти обращения не оставались без ответа.

Несомненные успехи реформ нередко соседствуют с разочарованиями и неудачами, которые обусловлены как просчетами реформаторов, так и иными причинами. Для России к таковым может быть отнесена чрезвычайно сложная этноконфессиональная структура, включавшая множество территорий с самыми разнородными традициями общественного устройства и управления. Долгое время Россию, выстраивавшую вокруг своего этнополитического ядра целую

систему иноэтничных и инокультурных территорий, мало беспокоила унификация управленческих и социальных институтов. По наблюдению Н. Ш. Коллманн, московские государи проводили политику «расчетливой децентрализации», при которой государству делегировались лишь важнейшие функции верховного суда, налоговых сборов, военной и дипломатической сфер, «одновременно передававшие властные полномочия поразительно широкому кругу институтов и традиционных социальных практик» [Коллманн, с. 42]. Сложность распространения общих норм на всю территорию империи осознавалась уже во второй половине XVIII в. Так, например, в письме Екатерины II Вольтеру (Казань, май 1767 г.) отмечалось: «Здесь население состоит из двадцати различных народностей, совсем не похожих друг на друга. А между тем необходимо сшить такое платье, которое оказалось бы пригодно всем. Общие принципы еще могут найтись; но зато частности? И какие еще частности! <...> Приходится целый мир создавать, объединять, сохранять» [Императрица Екатерина II, с. 748–749]. В XIX в. имперские власти всерьез принялись «шить» «платье, которое оказалось бы пригодно всем», пытаясь подвести под единый стандарт нравы и обычаи всех внутренних и внешних окраин, что оказалось слабовыполнимой задачей.

Яркое свидетельство тому – попытка судебной реформы, нацеленная на регламентацию и систематизацию деятельности мировых судей на бескрайних просторах Сибири. Зачастую нерациональное разделение на участки, прикрепленность к конкретным субъектам судейской деятельности в соединении с идеей выполнения следственных и судейских функций приводили к малой эффективности реформы, что и доказывают привлеченные архивные документы в статье *Евгения Крестьянникова* (Тюменский госуниверситет).

На пространствах иноэтничной периферии трудности реформирования государственно-политической системы проявились особенно отчетливо. Конкретно-исторические исследования этих процессов осуществлены в статьях *Романа Почекаева* (НИУ «Высшая школа экономики», Санкт-Петербургский филиал) и *Сергея Любичанковского* (Оренбургский государственный педагогический университет). В первом случае речь идет о деятельности генерал-губернатора русского Туркестана К. П. фон Кауфмана, направленной на поиск адаптации норм городского самоуправления при создании Ташкентской городской думы в 1870-х гг., а во втором – о попытках внедрения земской волостной организации в юго-восточных губерниях страны с высоким удельным весом нерусского населения – Астраханской, Оренбургской и Ставропольской – в последние годы существования империи. Статьи подтверждают мысль о несовпадении календарного и исторического времени и целесообразности изучения опыта реформ за пределами их «хронологического ядра»,

представления о котором формируются у историков зачастую без учета особенностей «периферийной модернизации».

Второй проблемой, освещаемой в журнале, стало рассмотрение парадоксального сочетания темы телесных девиаций и духовной красоты в русской культуре. Начало ее уходит во времена формирования в традиционном обществе гуманного отношения к немоте и нарушению речи, своеобразно воплощенного в волшебных сказках через дарование героям магических способностей. В статье *Варвары Добровольской* (Государственный российский дом народного творчества им. В. Д. Поленова, Москва) преодоление немоты мыслится как возвращение справедливости и гармонии в мир героя. Классическое и самое известное в русской литературе произведение В. Короленко, соотносимое с данной тематикой, «Слепой музыкант», обсуждается *Михаилом Строгановым* (Институт мировой литературы, Москва). Раскрываются литературно-исторический контекст, соотношение с другими произведениями, основанными на близких мотивах, и тот новый уровень социального милосердия, который явственно возник в общественной рефлексии.

Оригинальный поворот темы был предложен на конференции «Телесные девиации в русской культуре» (Женевский университет, 23–24 февраля 2018 г.).

В союзе, который традиционно связывает разум и душу, тело часто играет роль бедного родителя: перед лицом вечности тело не более, чем глennая плоть, и в истории мысли или психики интерес к нему может показаться вульгарным. Но, вместе с тем, именно тело выступает свидетелем и мерилom индивидуальных и социальных событий, политической борьбы и научного прогресса, культурных, эстетических и этических преобразований. Цель конференции состояла в анализе художественных представлений и дискурсов (литературных, изобразительных, кинематографических, в области философии и науки, интеллектуальной и общественной мысли), которые формировали определенное понимание и оценку человеческого тела, меняя фокус и характер его восприятия и изображения. Акцент при этом был сделан не на «норме», а на «патологии» – на всем том, что предстало и предстает физическими аномалиями на фоне природы и культуры, будь это анатомические «монстры» петербургской Кунсткамеры, уродцы ярмарочных балаганов, калеки и инвалиды, литературные, художественные и скульптурные образы антропоморфных чудищ, анатомические фантазмы и телесные девиации современной нам культуры.

Какие обстоятельства и контексты с точки зрения историка культуры и искусства меняют наши представления о человеческом теле, от чего зависят и чем определяются стандарты правил и исключений при взгляде на физическую природу человека? Какую роль играют

телесные аномалии в контексте русской истории и культуры? На эти вопросы постарались ответить участники конференции. Для публикации в журнале *Quaestio Rossica* организаторами конференции было отобрано небольшое количество статей, четыре из которых печатаются в этом выпуске, а две – в следующем².

В центре внимания *Леонида Геллера* (Лозаннский университет, Швейцария) – творчество Андрея Платонова. Анализируя «протезное пространство» в литературных и культурных репрезентациях о теле и телесности, исследователь убедительно показывает, почему обсуждаемый в течение всего XX в. вопрос об улучшении человеческой природы следует рассматривать в связи с тематикой инвалидности и монструозности. *Юлия Подорога* (Университет Страсбурга, Франция) предлагает философские рассуждения о понятии «революционной телесности» на основе творчества Андрея Платонова и Павла Филонова. По мнению философа, как «недостаточная», так и «избыточная» телесность должны вести и Платонова, и Филонова к завоеванию души и образованию нового телесно-духовного единства. *Петр Казарновский* (Женевский университет, Швейцария) анализирует аномалии телесности в романе П. Зальцмана «Щенки», персонажи которого оказываются способными преодолевать преграды между жизнью и смертью, а также между животным началом и человечностью. Разбирая манифесты и художественные тексты анархистов-биокосмистов, целью которых являлось обретение биологического бессмертия, *Ольга Буренина-Петрова* (Университет Цюриха, Швейцария) указывает на значимость телесной парадигмы для Александра Святогора, Александра Ярославского, Павла Иваницкого и др. Именно телесные девиации («бестиализм», анабиоз и другие формы новой телесной нормы) воспринимались биокосмистами как «модус бессмертия».

В рубрике *Conceptus et conceptio* обсуждается проблема национальной идентичности. Размежевание рационального европейского понимания концепта просвещения и его трактовки в российском культурно-историческом пространстве на основе диалога славянофилов И. Киреевского и А. Хомякова (XIX в.) подробно представлено *Натальей Володиной* (Череповецкий госуниверситет). В работе раскрыты истоки противоречий взглядов славянофилов и их приверженность европейскому гуманизму. Продолжением темы явилась статья *Вадима Дементьева* (Саратовский госуниверситет) о «разговоре по душам» в истории русской речи, выявляемом исключительно в национальном дискурсе. Убедительная, доказанная многочисленными примерами концепция связывается автором с аксиологией в национальном мышлении. По всей вероятности,

---

² Редколлегия благодарит организаторов конференции профессора НИУ ВШЭ (СПб.) Константина Богданова и доцента Женевского университета (Швейцария) Анник Морар за конструктивную помощь в формировании этой рубрики.

необходимость «разговоров» объясняется своего рода механизмом компенсации в отсутствие демократического института свободы слова и желанием иметь доверительного собеседника, немислимого в официальном общении. Тема, открытая автором, явно требует своего продолжения.

Своеобразным возвращением к проблеме русско-украинских отношений, обсуждавшейся в предыдущих номерах нашего журнала [Quaestio Rossica. Т. 5. 2017. № 1; Т. 6. 2018. № 2], стала статья *Андрея Богданова* (Институт российской истории, Москва), в которой приводятся новые данные о возникновении «Прений с греками о вере» Арсения Суханова – писателя XVII в. В ней анализируются исторические корни спора о путях сохранения целостности православия в западнорусской и восточнорусской традициях. Исследование имеет несомненную актуальность в связи с сегодняшней ситуацией в вопросах вероисповедания и церковного единства. Автор убедительно показывает, что проблема расхождений ритуального характера, обусловленных жизненными историческими обстоятельствами, возникла до появления старообрядческого движения.

Особенности образного строя русской поэтической речи рассматриваются *Натальей Фатеевой* и *Зоей Петровой* (Институт русского языка, Москва). Авторы обратились к важнейшим для литературоцентричной русской культуры образам слова и стихов в поэзии. Выявление их сути через обращение к метафорическим образам металла и камня, представленное в статье, способно многое открыть не только в поэзии, но и в самочувствии социума (раздел *Disputatio*).

В публикации *Евгения Анисимова* (НИУ «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург) представлены новые документы о политическом розыске, начатом по доносу В. Н. Татищева в 1738 г. и ставшем своего рода «спусковым крючком» для процесса над самим доносителем. Представленные источники раскрывают грани характера и образ жизни энергичного государственного деятеля и одного из основателей Екатеринбурга и ярко живописуют нравы времени, проникнутые трепетом перед системой политического сыска в XVIII в. Предлагаемые вниманию читателей тексты вновь возвращают нас к проблеме нравственного выбора, нормального и девиантного, к разговору об исторической обусловленности самого представления нормы (раздел *Origines*).

Завершают выпуск две рецензии. Первая – авторства *Михаила Акишина* (Новосибирский университет) о монографии В. В. Трепавлова и А. В. Белякова «Сибирские царевичи в истории России». Автор с академической дотошностью рассматривает качество изложения непростого материала, доказывая его актуальность и современные подходы. Незаслуженно забытая в российской филологии книга И. Гончарова «Фрегат Паллада» стала предметом анализа в кни-

ге английского исследователя Эдиты М. Божановской (Кембридж). Несомненные достоинства и некоторые неточности ее трактовок рассмотрены в рецензии *Джеймса Уайта* (Уральский федеральный университет). По мнению рецензента, монография должна способствовать появлению нового улучшенного перевода текста И. Гончарова на английский язык.

Анник Морар
(Университет Женевы, Швейцария);

Лариса Соболева, Дмитрий Редин
(Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия)

Список литературы

- Императрица Екатерина II*. О величии России. М. : ЭКСМО, 2003. 832 с.
Коллманн Н. Ш. Соединенные честью : Государство и общество в России раннего Нового времени. М. : Древлехранилище, 2001. 464 с.
 Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.) : сб. ст. / под. ред. М. М. Крома, Л. А. Пименовой. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 364 с.
Quaestio Rossica. Т. 5. 2017. № 1; Т. 6. 2018. № 2.

References

- Empress Ekaterina II (2003). *O velichii Rossii* [On the Greatness of Russia]. Moscow, EKSMO. 832 p.
 Kollmann, N. Sh. (2001). *Soedinennye chest'yu: Gosudarstvo i obshchestvo v Rossii rannego Novogo vremeni* [United by Honour: The State and Society in Russia in the Early New Time]. Moscow, Drevlekhranilishche. 464 p.
 Krom, M. M., Pimenova, L. A. (Eds.). (2013). *Fenomen reform na zapade i vostoке Evropy v nachale Novogo vremeni (XVI–XVIII vv.) : sbornik statei* [The Phenomenon of Reforms in the West and East of Europe at the Beginning of the New Time (16th–18th Centuries). Collection of Articles]. St Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 364 p.
Quaestio Rossica (2017, 2018). Vol. 5. No. 1. Vol. 6. No. 2.